

ЧЕРВОНЕЦ

ВАЛЕНТИНА ТУРЕНСКАЯ

Рассказ

Рисунки И. ХАРСЕКИНА

Иногда приятно ворошить воспоминания, уйти мыслями в далекое прошлое, услышать забытые далекие голоса. Сколько их, людей, встречи с которыми когда-то согрели душу и научили любить жизнь. Среди них вспоминается мне один человек. Звали его Андрей Иванович, а фамилии его я никогда не знала. Был поздний вечер, когда я постучала в дверь его домика и услышала за ней торопливые шаги. И вот уже минуло двадцать пять лет, а я всё помню его чуть насмешливые серые глаза, сатиновую черную косоворотку, помню его слегка басовитый голос, даже манеру говорить — слова он произносил как-то округло и прочно, и они, явившись на свет, не торопились уплывать в небытие, а оставались с нами, вставали в уверенные, стройные ряды.

Почти ни минуты не оставался он бездельным. В том мире вещей, который окружал его, он был работником, наводившим порядок, и рукам его до всего было дело, им надо было следить за тем, чтобы пламя в лампе отдавало нам весь свой свет, чтобы случайная складочка на скатерти разгладилась, чтобы подвинутая чашка с чаем напомнила о себе.

Руки помогали его словам: они то бережно отодвигали какое-нибудь слово, чтобы «вдосталь налюбоваться им, то отбрасывали его, сердясь и негодуя, то осторожно и ласково поднимали: выше, еще выше, и вот оно сияло и искрилось во всей своей исключительности, обычное слово, которое сотни раз до того приходилось слышать.

Вряд ли когда-нибудь Андрей Иванович думал обо мне, разве в первые дни после нашей встречи. Да и я тогда (было это в дни щедрой и расточительной на дружбу юности) легко и как должное восприняла встречу с ним. В семнадцать лет всегда кажется, что жизнь каждый день будет радовать новыми друзьями. И, вероятно, потому я ни разу не задумалась, что хорошо бы увидеть Андрея Ивановича еще раз. Проходили годы. И в том отборе, которое делает время, забылись многие волновавшие когда-то встречи, а эта так и осталась светить ровным ярким светом через четверть века.

Я приехала в большой сибирский город с тридцатью рублями в кармане. По счастью, с квартирой устроилась легко и быстро, дали мне угол Демидовы, знакомые моего отца. Денег с меня не возьмут. Но я должна каждый день убирать снег во дворе и на тротуаре да привозить квартала за два кадку воды на салазках. Я чувствовала себя совершенно счастливой и не думала, как буду кочевать в хмурой очереди за водой, сколько тревог и мучений доставит мне эта неуклюжая обледеневшая кадка, эти непослушные салазки, словно подрядившиеся нырять в каждую выбоину дороги. Не подозревала, с какой тревогой, не выпавшаяся, усталая, буду выглядывать на рассвете из окна: шел ночью снег или не шел. А он как зарядил, окаянный, каждую ночь насыпал мягкие рыхлые сугробы.

Но это всё пришло позже, а сначала я радовалась: крыша над головой есть. Нахолодавшись за день, можно отдохнуть в сонном тепле маленькой комнатки. Тикают часы, шелестят страницы — хозяин читает книгу, чуть звенит посуда — это его жена накрывает на стол. Мне тоже нальют чаю, пододвинут даже хлеб, хорошо зная, что я не возьму его. Хлебу я цену знаю. Его дают по карточкам. Свой паек я съела еще за обедом, и, по справедливости, мне больше не положено. Но и морковный чай, золотистый и горячий, пусть без сахара и хлеба, очень хорош. Надо только не думать, что хочется есть. А если мысли о еде станут очень настойчивыми, надо разложить на сундучке в углу тонкий блин вытершегося одеяла и уснуть, защищая глаза рукой от яркого света.

Мои хозяева были даже ласковы со мной. Дородная и рыхлая Алевтина Федоровна ахала, когда я прибегала домой со двора продрогшая в своем осеннем пальтишке с окочевшими синими руками, она помогала мне их растирать или поливала на них холодную воду. Муж ее, Павел Степанович, собиравшийся на работу, шутил, стараясь меня подбодрить, но ни ему, ни ей не приходило в голову хотя бы однажды выйти и помочь мне. Впрочем, тогда это казалось мне совершенно справедливым: договор есть договор.

В общем, квартира у меня была, теплая и светлая, а это здорово, когда есть крыша над головой.

Хуже было другое. Я никак не могла найти себе работу. Сначала выбирала, обдумывала, на что я соглашусь, на что нет. Потом цеплялась за любую возможность, и всё понапрасну.

Выходя из дому ранним утром и скитаясь по улицам, пока не зажигались огни, я начинала отчаиваться и старалась, как могла, утешить себя. Ведь не может же быть, чтобы в этом гиганте-городе с широкими улицами, нарядными площадями, с огромными и зовущими витринами залитых светом магазинов, звонками трамваев и гудками машин, не может быть, чтобы в этом потоке торопливых, занятых людей не нашлось дела и для меня.

Павел Степанович вызвался помочь мне. Знакомых у него было много, его встречали приветливо, угощали папиросами, но когда доходило до дела, то вставал вопрос о весьма неприятных вещах: о моей специальности, возрасте.

Это было в самом начале тридцатых годов. На заборах пестрели объявления: нужны тока-

ри, бетонщики, прокладчики. Но я не знала и не умела ничего. Деньги таяли. Жить становилось скучнее. В часы обеда у Демидовых я общалась, что иду в столовую, куда мне дал пропуск Демидов, долго бродила по улицам и возвращалась, не истратив ни копейки. Зато на следующий день наворачивала. Во всех столовых города кормили соленой дичью. В супе с пшенной крупой плавал какой-нибудь тощий кусочек соленого крыла рябчика или перепелки. Можно было бы съесть одно первое, а я покупала еще и перловую кашу или поре с крохотной котлеткой из печени и на следующий день опять наказывала себя голодом, в тревоге пересчитывая оставшиеся деньги.

Однажды я забрела в книжный магазин. Покупателей там в это время не было. Под равнодушными взглядами продавцов я бесцельно рассматривала книжки на прилавке и вдруг, подняв голову, увидела белый листок объявления. Через минуту я, замирая от волнения, открыла дверь маленькой фанерной будочки, где помещался «кабинет» заведующего магазином.

Навстречу мне из-за стола поднялся сам заведующий — Евграф Михайлович Селивановский, маленький человек с носом-картофелиной. Выслушав меня, задав несколько вопросов, он пожевал губами, оглядел меня с ног до головы.

Продавец нам нужен. Приходите завтра к восьми. Ставка шестьдесят рублей. Вас устраивает?

Устроит ли? Да это целое богатство! Я уже знала, что жить можно очень экономно. На радостях я даже позволила себе зайти в огромный универмаг. Пусть я сегодня не куплю ничего, но у меня есть работа, через две недели я получу зарплату, уже сегодня стоит примериться, что я смогу купить.

Огни сияют и искрятся, отражаются в зеркалах, в их свете ярче цветные ткани, белее кружева, вещи словно зовут меня, хотят служить мне. Жизнь людей пока идет мимо меня. Я чужая им всем. Но завтра... Завтра я буду на работе, у меня будут товарищи. Меня смогут окликнуть в толпе знакомые.

Зеркала заставляют меня столкнуться с собой, девушкой в черном пальто. Я искоса, но с любопытством разглядываю эту девушку, которая до сегодняшнего дня была предоставлена себе, которую никто не похвалит

за хорошее и не поругает за дурное. Завтра всё это изменится...

С этого дня я вставала чуть свет, чтобы закончить все свои договорные дела по дому и освободиться к семи часам. Сосредоточенно и медленно ползли в гору голубые фургоны с молоком, пролетали белые с красным, похожие на кусок жирнейшей свинины автомашины, развозившие мясо. Рабочие уже прошли на завод. Торопливо пробегали хозяйки с корзинами и кошелками, шли продавцы.

На работу я ходила пешком: так экономнее. На мосту через Каменку я обычно задерживалась. Мост повис над глубоким оврагом, скорее котловиной. Посредине ее протекала быстрая и мелкая речушка, скованная сейчас льдом, а по обоим берегам ее раскинулся поселок Каменка, этакая своеобразная Нахаловка, воз-

никшая в свое время во многих промышленных городах. Когда-то, говорили, здесь действовал обычай, по которому человек становился хозяином земли, если ему удавалось за ночь сложить печку. Строились по ночам. Торопливо клали стены, лихорадочно складывали печку. Утром к небу вился дымок, а соседи, выйдя на улицу, длинно и выразительно ругались. Потом следовало примирение с угощением в монополке, и какой-нибудь дворик, и без того маленький, делился пополам. Так возникали кривые закоулки в этом беспорядочном поселке.

Я смотрела через перила моста вниз: из дома выбегали ребятишки в наскоро накинутых шубейках. Странно укороченными казались две ругавшиеся бабы. Люди с усилием карабкались по тропинкам. Вверх, вверх! И вот уже далеко внизу остался поселок с его особой жизнью, они на улице города, влились в общий поток, неотличимы от него. Вверх! Вверх!

Первый шаг уже сделан. У меня есть работа. Только бы удержаться на ней, оказаться нужной, только бы суметь работать хорошо и честно.

Евграф Михайлович предупредил меня, что к прилавку поставит через неделю, а пока предложил присматриваться, разбирать поступающие книги, учиться, как нужно торговать. Кое-когда мне уже начали давать поручения, маленькие, но и они наполняли меня гордостью.

Я уже знала многое о своих товарищах, присматривалась и к покупателям.

Продавцы сходятся к магазину перед открытием. Раньше всех является комсомолка Маруся в яркой шапочке с помпоном, приходит толстая добродушная кассирша Соломина и сразу начинает рассказы о своих детях, их у нее не то трое, не то четверо, прибегает продавец музыкального отдела Николенко, смуглый живой человек, влюбленный в музыку. Он виолончелист и не плохой, иногда выступает по радио. Злые языки говорят, что в этих случаях он бывает щегольски одет и раскланивается перед микрофоном, прикладывая руку к сердцу.

Наконец заведующий открывает магазин. Начинается утренняя уборка. Селивановский не отходит от прилавка, он знает, как привлечь внимание покупателей, как выгодно оттенить книжку. В прошлом он был артистом и, несмотря на маленький рост и невыразительные черты лица, играл роли первых любовников. Он гордился тем, что по-

лучал письма по адресу: «Актюбинск, театр. Евграфу».

Но однажды его вызвали в отдел искусств и там долго убеждали, что он — комик, прирожденный комик.

Бледный, с трясущимися губами, вернулся он в гостиницу, где занимал номер. Он бросал на пол афиши, фотографии, всё, что хранил много лет, всё, что имело цвет и запах разных городов и времен года. Он смотрел на себя в зеркало и трагически шептал: «Вы думали, вы — драматический артист, Евграф, а вы — комик, понимаете, комик».

Несмотря на уговоры, он оставил сцену. Жизнь казалась ему навеки искалеченной. Года два он метался, меняя профессии и втайне тоскуя о прошлом. Потом ему предложили заведывать книжным магазином. Новому делу он отдался весь, вначале с несколько театрализованной любовью.

Шли годы. Всё дальше отступали в Селивановском черты, навеянные провинциальным театром предреволюционных лет, и возникали новые: дело свое он любил и знал.

Ко мне Селивановский относился хорошо, но я поняла это гораздо позже, а в те дни попросту отчаянно трусила, когда замечала рядом Евграфа Михайловича. Мне всё казалось, что он посмотрит-посмотрит и скажет: «Иди-ка ты, девушка, подобру-поздорову, ничего из тебя не выйдет». Но он называл меня на вы, по имени и отчеству. Это было и приятно и еще больше тревожило: так вежливо он обращается со мной, а поставит меня к прилавку и я растеярюсь, не сумею ни книгу найти, ни предложить ее.

В десять привозили с базы новые книги, дежурный отбирал образцы и продавцы по очереди знакомились с ними. Селивановский устраивал целые экзамены: название, автор, цена, кому можно предложить, что в книге интересного, нового.

Я с тревогой думала, что не отвечу ни на один вопрос, когда очередь дойдет до меня, но Евграф Михайлович меня не спрашивал. А между тем я уже начинала любить эти новые, еще пахнущие типографской краской книги. Возчики сгружают пачки книг, шелестят листы фактур. Сейчас можно будет сорвать с пачек бумажные обертки и радостно обнаружить томики Есенинских стихов с березкой на обложке, темные гравюры, рассказывающие о жизни Бенвенуто Челлини, мелькает фамилия еще неизвестного мне автора. Сердце как обожжет название нечитанной еще

книжки.

«Время, вперед!» Это написал Валентин Катаев. Я держу книжку в руках и верю, то она расскажет мне о самом важном. Как это здорово, когда человек может вот так, даже время взнудать, даже время прищипорить. Если бы меня поставили сегодня к прилавку, я протягивала бы ее каждому: возьмите, читайте, ощутите этот бешеный бег времени...

А в руках уже новая книга... Какие же просторные горизонты у мира. Сколько я могу знать и увидеть.

«Купите «Город желтого дьявола», скажу я, назову цену и получу чек. Всё так обыденно и просто. Но я знаю, что вечером, раскрыв эту книжку, человек переживет несколько часов огромного душевного смятения, в чем-то станет иным, лучшим и взглянет на жизнь иными глазами.

Я люблю эти книги, что лежат на прилавках, стоят на полках, громоздятся штабелями на складе. Даже черная с золотым тиснением «Физика» Михельсона, белые с красным росчерком книжки «Библиотеки рационализатора» — каждая по-своему начинали волновать меня. Их ждут. Они должны попасть к людям.

К середине дня торговля оживлялась. Покупатели толпились у прилавков. Это был жадный до хорошего народ. Учащийся требовал учебник. Бабушка говорила о дне рождения Маечки и искала «Мойдодыр». Бородач извлекал из кармана широченной борчатки целый список и обстоятельно рассказывал о том, что в город ехал по своему семейному делу, а пчеловоду нужна книжка о подкормке пчел, избач не велел возвращаться без Пушкина и Гоголя.

Пушкина и Гоголя не было, но бородач недоверчиво оглядывал уставленные книгами полки и требовал искать получше.

Прибегали рабфаковцы. Покупали немного,

смотрели всё, бережно листали издания «Academia», со вздохом клали книгу: «Хороша, да не по карману».

В магазине знали и любили книгу, знали и любили покупателя. Здесь даже время измерялось книгой. Не говорили: «в марте», «в июле», а говорили: «Когда нас завалили «Дорогами и мостами», «Когда «Academia» выпустила «Тысячу и одну ночь».

О покупателях знали всё, не только их вкусы и покупательные способности, но и семейные, служебные дела, даже характер.

Я старалась как можно больше узнать о людях. Первый, кто запомнился мне, был библиотекарь какого-то клуба. Он брал книги дрожащими руками. Уже купив книгу и уплатив деньги, он устраивался где-нибудь в углу, чтобы еще раз просмотреть ее. Покупая, он делил книги на две части — библиотеке и себе — и брал два счета. Когда-то на него поступила анонимка, обвинявшая его в вольном обращении с библиотечными фондами. Комиссия проверила дело и принесла ему извинения. С тех пор он на каждую купленную книгу брал счет и, показывая свою личную библиотеку, предьявлял и папку со счетами. Если нужная книга была в магазине единственной, он бледнел, нервничал, но покупал ее для клуба.

Я ожидала той минуты, когда наконец-то встану лицом к лицу с покупателем, и боялась ее. Завидовала Кротович, ее спокойствию, ее уменью. В горячий момент она не знала усталости.

- Дайте чек на «Разбег» Ставского, — просили ее.

- Что новенького по нормированию времени?

- Вчера у вас был Шиллер.

Просили книгу, она давала пять, и три из них оказывались нужными. Вот так хочу работать! Именно так.

Селивановский много внимания уделял выставкам. Они должны звать, убеждать, заставлять думать. Иногда предметом выставки была (всего одна книга. Она лежала на прилавках, она звала разворотом переплета с полок, смотрела со щита, одна единственная, с огромного щита, подчеркнутая красной стрелой, похожей на молнию.

Другие выставки были сложнее. Их план горячо обсуждали. Мне тоже хотелось вставить свое слово, но я боялась ошибиться и ждала, когда же Селивановский поручит выставку мне. К концу первой недели он предложил мне помогать Кротович. Мы с ней долго чертили, вырезали, завесили окна бумагой. На одном из

них появилась горячая красная надпись «У нас» и стояли макетыстроек, шли в будущее устремленные вперед фигуры молодого рабочего и колхозницы и лежали книги, звавшие к овладению знаниями, к ударной работе на всех фронтах, а другое окно имело мрачное название «У них» — капиталист в цилиндре — на переднем плане, тюрьма и цепи — в глубине и книги с названиями, полными горечи и боли.

Мы с Кротович выбегаем на улицу. Выставка кажется мне великолепной. Непонятно, что люди равнодушно и спокойно идут мимо и не бросаются все в магазин покупать книги.

Я, как эстафету, готова перенять от Селивановского его уверенность в том, что не дойди вовремя книга о Кузбассе до каждого инженера, врача, школьника — и не будет закончена вовремя стройка, не сделай мы яркой и красочной выставку по силосованию кормов — и голодным останется скот...

Наконец наступает долгожданный час.

- Становитесь к прилавку, — говорит Селивановский.

Удивительно быстро летит этот день. Селивановский не подходит ко мне, только издали, одобряя, кивает головой. Зато Кротович, милая, заботливая Кротович, рядом. Она не мешает мне, она думает о моем авторитете, и вместе с тем, я чувствую, она готова в любую минуту прийти мне на помощь. Но этого и не требуется. Правда, я волнуюсь, теряю ножницы, вожусь с упаковкой, зато книги я нахожу быстро и даже пытаюсь кое-что предложить от себя, выбрав для этого покупателя своего возраста.

День идет к концу. Я показываю двум девушкам сборники стихов, в это время Кротович подвигает ко мне огромную пачку книг, отобранную библиотекой: «Выпишите счет». Я принимаюсь за работу даже весело, не подозревая о той опасности, что таится в этих внешне безобидных словах.

Старательно выписываю каждое название, переворачиваю лист. Вот в моих руках последняя книга. И тогда я холодею: сейчас придется подвести черту, написать итог. А чтобы вывести этот итог, надо сосчитать два длиннейших ряда цифр. С рублями и копейками, с десятками и сотнями. Мысли мечутся, сталкиваются, я чувствую, что у меня начинают дрожать колени. Нет, надо собрать всю свою волю и подсчитать в уме. Сначала копейки. Я принимаюсь за дело. Три двадцать прибавить шестьдесят — три восемьдесят. Вот с копейками покончено. Я пишу в итоге — двадцать два, запоминаю в уме «во-

семь», и уже приободрившись, принимаюсь за рубли.

Тут я замечаю, что Кротович внимательно смотрит на меня. «Возьмите счета», — тихо говорит она. Счета, проклятые счета! Да разве я знаю, что с ними делать? Надо сказать: «Я не умею считать на счетах». Но меня учили здесь всему, Селивановский часами беседовал со мной, посвящая меня в секреты будущей моей профессии. И только о счетах не вспомнил и не заговорил никто. Значит, надеялись, что я умею считать. И кому же придет в голову, что человек, окончивший восемь классов, никогда не прикасался к ним.

Подняв на меня глаза, Кротович ждет, и тогда я беру себя в руки. С ледяным спокойствием я отвечаю ей: «Я всегда считаю в уме, так мне удобнее». Она с интересом смотрит на меня, но обмануть ее не так-то легко. «Может быть, вы не умеете?», — еще тише спрашивает она, воспользовавшись тем, что наш покупатель с ушами влез в «Лирику» Гёте. Я колеблюсь только секунду. Нет, нельзя поддаваться на эту ласковую уловку. День кончится, а Кротович подойдет к Селивановскому и скажет: «Представьте себе, она даже на счетах не умеет считать. Зачем нам такой работник». И Селивановский согласится. «Освободим ее. Кстати и испытательный срок не кончился». Вот и всё. И прощай тогда работа, которая так нравится мне. И снова я на улице. А денег уже не тридцать, денег всего тринадцать рублей. Всё это мгновенно пронеслось в мыслях. Я отступила на шаг и удивленно и недовольно произнесла.

- Конечно, умею, но в уме я считаю быстрее.
Кротович отошла. Я кончила считать, выписала итог.

- Платите триста семьдесят шесть рублей двадцать две копейки, — сказала я незнакомым голосом.

Покупатель пошел к кассе. Мне казалось, что магазин плывет у меня в глазах. Ничего! Копия счета останется у меня. Я проверю итог сегодня же вечером. Покупателя я уже знаю, он опять придет в магазин. Но почему он так долго стоит у кассы. И тут я услышала из кассы, где сидела Соломина, явственное щелканье счет. Так вот где была ловушка. Я ни секунды не задумалась над тем, что добродушная Соломина просто и по-товарищески хотела предупредить мою ошибку. Я только взмолилась в душе: «Пусть, пусть итог окажется верным. Я не хочу снова бродить без работы. Я не хочу уходить от этих книг, от этих людей. Покупа-

тель со счетом и чеком в руке идет от кассы. Скорее, скорее! Он задерживается у витрины. Значит, всё благополучно. Если бы было иначе, он, наверное, уже бросил бы счет на прилавок. Но почему счет у него в руках. Почему он не сложил его, не спрятал в карман?

Наконец он передо мной, протягивает счет. Я еле могу совладать с собой. Итог исправлен: «Триста шестьдесят три рубля». Я обманула его на огромную сумму — на тринадцать рублей. Тринадцать рублей. Ровно столько, сколько у меня осталось. Правда, может быть, увольняя меня, мне заплатят за проработанные дни. А может, и нет. Может, за испытательный срок вообще не платят? Или платят, если он выдержан? Разве я знаю! Сейчас он закричит: «Вы обманули меня! Вы не умеете считать! И кто только поставил вас к прилавку». Из своей фанерной будочки выскочил Селивановский. Ох! Ну и пусть! Скорее бы! Но вместо этого покупатель тихо говорит:

- Вы ошиблись, исправьте итог.

И Кротович нет рядом. Случайно или намеренно, но она отошла так, что ей ничего не слышно.

Слезы готовы выступить у меня на глазах. Еще этого не хватало! Самостоятельному человеку, продавцу магазина разреветься, как девчонке.

Я упаковываю ему книги. Лист. Еще лист. Разве жалко бумаги для такого хорошего человека. Пусть она загнется на углах такими ровными, красивыми складками. И бечевки не жалко. И сделаем ему из бечевки такую держалку, чтобы ему не резало руку!

Он уходит. И тогда, благодарно вспоминая о нем, я опять холодею. А вдруг он не рассердился только потому, что Соломина, подсчитав итог, сказала ему: «Не сердитесь. Это наша стажерка. Завтра же ее не будет в магазине. Евграф Михайлович не станет держать человека, способного обмануть покупателя на тридцать рублей».

Без четверти шесть. На дверь вывешена табличка «Магазин закрыт», еще два-три рьяных покупателя пробуют нырнуть под нее, но уже начинается уборка прилавков, с наколышей снимают чеки, идет подсчет выручки. Я люто ненавижу себя. Ведь я же наблюдала эту операцию ежедневно. И почему, почему мне не пришло в голову, что я не сумею считать. «Устали?» — слышу я за спиной ласковый голос. Я оборачиваюсь, прямо передо мной лохматая шапка, нос картофелиной и приветливые умные глаза Селивановского. Он еще ничего не знает...

На улице я сажусь на заснеженную скамью. Белые хлопья танцуют в косом луче фонаря, деловито залепляют афишу. Скрипит под ногами прохожих снег. Куда пойти, кому сказать о том, как я скверно поступила сегодня! Как я боюсь завтрашнего дня...

Пусть даже бесследно пройдет то, что случилось, но завтра оно повторится. Повторится опять... Что делать? Прийти и сказать: «Научите меня, я вас обманула, я никогда не держала счета в руках». Но это значит, признаться, что я сегодня солгала.

Всё больше стыли ноги, всё безнадежнее становилось на сердце. Говорят, что не бывает ни больно, ни страшно, когда человек замерзает. Закрывать глаза и сидеть совершенно спокойно. Вот так! Но кто же даст замерзнуть здесь в центре города? Просто отморозишь себе нос и щеки, они противно почернеют. А сало или вазелин, чтобы натирать их, тоже достать надо. И денег они стоят.

Решение приходит само. Я вскакиваю, хватаю рукавичкой снег, на всякий случай тру нос и щеки, пока они не начинают гореть. Скорее домой. Должен же Павел Степанович знать, как считают на счетах. Становится легко. Я бегу и уже думаю, что сегодня обошлось, а завтра я уже буду знать, как скользят костяшки по этим проклятым счетам.

И только на мосту опомнилась: Павел Степанович сегодня уехал в командировку.

Тут новая мысль возникает у меня. Почему бы нет? Только найти совсем незнакомого человека. У меня тринадцать рублей. Червонец я отдам за науку. На три рубля буду жить до получки. Хлеб по карточке я беру каждый день. Лучше каждый день постоять в очереди, зато не съешь паек сразу за два дня. Вот на этот пайковый хлеб я и буду жить. Получится великолепно. Приду с работы, накрошу его в алюминиевую кружку, залью горячим кипятком. Хлеб разбухнет. Его будет много-много... Нет, без обеда обойтись — это не очень страшно.

Не раздумывая больше, я начала спускаться по заснеженной тропинке вниз. Почему я выбрала это направление, я и сама не знала. Вероятно, мне казалось, что между городом и поселком пролегает резкая грань и мою операцию именно так удастся сохранить в тайне.

Я решительно постучала в первый дом, второй...

- Скажите, здесь кто-нибудь умеет считать на счетах?

Меня просто не понимали, а из-за одной калитки очень недвусмысленно пообещали спу-

стить собаку. Становилось всё холоднее, а вместе с холодом в сердце заползла безнадежность: ничего из моей затеи не выйдет.

Наконец я поняла — пора остановиться. Просто я такая незадачливая. Надо возвращаться, но всё равно так, на случай, еще раз попробую счастья.

Я поднялась на шаткое крыльцо маленького домика, неуверенно и робко постучала в дверь.

- Кто там? — услышала я приятный басок.

- Здесь кто-нибудь умеет считать на счетах? — безнадежно повторила я свой вопрос.

- Ну, предположим, умеет, — в голосе человека за дверью звучала заинтересованность, — а дальше что?

- Пожалуйста, откройте, — взмолилась я.

Дверь распахнулась, и меня пропустили в сени.

Не видя в темноте собеседника, я торопливо начала излагать свое дело.

- Погоди, погоди, — остановил меня хозяин дома, — прошу в горницу, там и поговорим.

Я оказалась в маленькой и уютной комнате.

- Давай знакомиться, — оживленно проговорил хозяин. — Меня зовут Андрей Иванович, а это жена моя Вера Васильевна.

- Да вы садитесь, — захлопотала женщина.

И она и Андрей Иванович показались мне людьми пожилыми. Впрочем, в семнадцать лет пожилыми и очень солидными кажутся и сорокалетние люди.

Я как можно короче объяснила причину своего прихода: поступила в магазин, не умею считать на счетах, боюсь, что меня уволят. Не забыла упомянуть и о магическом червонце, который обеспечивает мое право на обучение.

- Червонец? Целый червонец... Чудесно! — оживился Андрей Иванович, потирая руки.

Я протянула ему деньги, спросила, колеблясь.

- А сумею я за один вечер научиться считать?

- Как учиться будешь, — засмеялся Андрей Иванович. Он взял деньги, развернул их, очень довольный, посмотрел на свет.

- Стыдился бы, Андрей Иванович, — нахмурилась жена.

- А чего мне стыдиться? — пожал Андрей Иванович плечами и весело подмигнул жене. — Я, однако, их не украл, честно заработал. — А ты, — обратился он ко мне, — будь спокойна, я тебя за твои деньги всему обучу. Не только складывать и вычитать, умножать и делить научу. Ты, может, к профессору своего дела попала. И проценты покажу, как находить. И всё за те же деньги. Только вот что, моя доро-

гая, человек с работы пришел, ему и пообедать не грех.

Восхищенная перспективами, которые раскрывались передо мной, я пробормотала, что с радостью подожду. Ладный и уверенный, Андрей Иванович ходил по цветным половичкам, поскрипывая бурками, а Вера Васильевна накрывала на стол. Тарелка мягкого белого хлеба, дымящаяся кастрюля со щами. Нет, что мне до их запаха, который наполнил всю комнату! Другое важно. Я научусь считать. Я даже отвернулась от стола, разглядывая какие-то фотографии на стене.

- Однако, девушка, так дело не пойдет, — снова раздался басок хозяина, — работать вместе будем, а как обедать, так я один. Не выйдет. Садись, садись. Оставь-ка церемонии-то. Я еще не знаю, какова ты ученица, может, до утра просидим. Изволь-ка силы запастись.

Вера Васильевна налила мне щей в большую цветастую тарелку, одну поварешку, вторую, а в третьей оказался изрядный кусок мяса.

- Ты это почему без хлеба? — укоризненно покачал головой Андрей Иванович и положил передо мной ломоть.

Я слабо сопротивлялась, но он просто прикрикнул на меня. Как давно я не ела щей, да еще с хлебом! И всё-таки я старалась не показывать, какое удовольствие испытываю, старалась не торопиться.

Андрей Иванович ел истово, на меня не смотрел, хотя задавал вопросы о том, как я оказалась одна, как нашла работу, как живу.

Потом пили чай. Крутым кипятком Вера Васильевна заварила в тарелке молодую черемуху, и мы мазали ее, распаренную, сладкую, с легким миндальным привкусом, на хлеб.

Было очень вкусно, но я уже начала волноваться: время-то идет, а кто его знает, какую премудрость придется одолеть.

Наконец на столе было убрано. Андрей Иванович достал счета, любовно положил на них широкую ладонь.

- Рубли, копейки, — начал он, указывая на ряды костяшек...

Мы считали и считали. Я не чувствовала неловкости. За обучение заплачено сполна, и мой учитель очень честно отрабатывает свои деньги. Ему нужны деньги, мне — наука. А наука оказалась простой и веселой и заключалась главным образом в том, чтобы представить одну цифру двумя и сделать это почти механически. Если надо прибавить восемь, но костяшек не хватает, прибавь десять и отними два; надо отнять шесть, не выходит — отнимай десять и прибавляй четыре. Подняв глаза к по-

толку, он уже диктовал мне трех- и четырехзначные цифры, косточки летали по проволоке, а на сердце становилось всё радостнее.

Прошло часа два.

- Перерыв, — объявил он.

Только тут я почувствовала, как устала. Закурив, он опять ходил по комнате. Не знаю почему, но я рассказала ему обо всем, что сегодня случилось со мной в магазине.

- Обманула, однако? — тихо сказал он, притушив папироску. — Не стоит. Поганое это дело. Приди завтра и скажи правду. Никогда правды не бойся и с нею, с правдой, ничего не бойся, всё осилишь. А люди, видать, с тобой хорошие. Ты человека-то научись поглубже разглядывать и хорошее в нем видеть. Пусть не сразу разглядится, а ищи. Верь людям-то. Они ведь и плохими-то не с хорошей жизни становятся. И того не бывает, чтобы человек-то совсем плохим: стал. Ты гляди, гляди, не уставай, а доброе в нем, честное из всякого хлама так и блеснет. Тогда не зевай, помоги ему мусор-то внутри себя поразгрести. Молода ты еще, девчонка. И это ничего. Постареть успеешь, опыта наберешься. А сейчас ты от своей молодости к людям иди. Ты вот сегодня никому не поверила. Думаешь, кассирша тебя подвести хотела, товарка твоя случайно твоей оплошности не заметила. А тебе завтра прийти бы, да поклониться им, да посмотреть, как ты им услужить в жизни можешь. А не им, так другому кому. Для себя-то жить не стоит. Скучная это жизнь, для себя, холодная, плесенью пропахшая. Сейчас в мире огромные дела идут. Вон, мы какую революцию отгрохали. Ты сейчас, поди, думаешь: «Работу еле нашла, зимой в осеннем пальтишке мерзну, на пайке впроголодь живу». А ты поднимись над собой-то и на всю жизнь сумей взглянуть, куда она идет, под гору катится или в гору подымается. И как народ дышит, послушай, какие в себе силы находит, на какие дела замахивается. Вот оно счастье! Ты к большому делу подошла. К книге... Ты нам об этом вашем завмаге сказала, что нос-то картофелиной, а душа у него какая? Ты же сама чуешь, какая душа-то. Она в народном деле свою часть ищет. И ты ищи...

Слова эти были простыми и ясными, говорил он так убежденно, с такой душевной настойчивостью, словно брал меня за руку и вел за собой. Он бросал свои мысли одну за другой и они словно прорубались в мое сердце, где тоже было немало личных тревог и огорчений. И жизнь моя, с ее тревогами, холодом, непосильной работой по утрам, полуго-

лодным пайком, показалась мне странно преобразенной. Главное, оказывается, было не в них, не в этих мелочах, а в том, что работа моя нужна людям и я должна научиться делать ее как можно лучше, навсегда забыв о равнодушии. Главное было в том, что рядом со мной — люди, много хороших людей, занятых одним общим делом.

Ах, червонец-то мой, червонец, какой драгоценной монетой обернулся ты!

Но Андрей Иванович уже оборвал себя.

- Говорить о деле хорошо, еще лучше дело делать. Садись-ка опять за счеты, умножать будем.

И мы умножали, делили. И это оказалось просто. И даже проценты легко легли в мою голову. Надо найти тридцать шесть процентов. Пожалуйста! Одна десятая числа — это десять процентов, кладу ее на счеты четыре раза — это сорок процентов и отнимаю одну десятую полученного числа, то есть четыре процента и получаю тридцать шесть процентов. Найти двадцать пять процентов? Еще того легче.

И снова мы пили чай и говорили о жизни. Было двенадцать часов, когда я простилась с Верой Васильевной. Андрей Иванович не захотел меня отпускать одну.

- Тут такие закоулки, что и днем не выберешься, да и поздно, — твердо сказал он.

По-прежнему валил хлопьями снег, почти все окна темнели, только кое-где дорогу перечеркивал свет. Андрей Иванович вывел меня к тропинке, пожал руку и пообещал стоять внизу, пока я не выберусь наверх, чтобы я не боялась.

И он, действительно, стоял там. Я раза два оборачивалась.

- Я не боюсь, спасибо! — кричала я.

Но он не уходил.

Наконец я выбралась наверх. Андрей Иванович был уже не виден мне, снег падал сплошь, казалось, еще одно усилие и он завалит поселок внизу. А внизу, сквозь снежную пелену, нет-нет и мелькали огни. Один из них мелькал для меня в окне Андрея Ивановича.

И тут я остановилась: я же не знаю, как найти его в этих закоулках и тупичках. И сейчас же с легкомыслием молодости решила, что всё равно встречу, не могу не встретить, в одном городе живем, по одной земле ходим.

А придя домой, я нечаянно сунула руку в карман пальто и нашла там свой собственный червонец, потихоньку положенный туда Андреем Ивановичем...

Утром, еще до работы, меня пригласил к себе Селивановский. Глаза его смотрели очень мягко:

- Слушайте,— сказал он, — я еще не показал вам, как считать на счетах...

- Я умею, Евграф Михайлович, — откликнулась я с задором. Я взяла счеты, я складывала, вычитала и делила огромные цифры, а потом подняла голову.

Какие же умные, смотрящие прямо в душу были глаза у этого человека.

- Вчера научились? — спросил он.

- Вчера, — призналась я.

Вот, собственно и всё. Андрея Ивановича я больше не встретила. Не встретила, но и не забыла двадцать пять лет. И сейчас, вспомнив его, я вспомнила и других хороших людей, с которыми тогда столкнула жизнь: моих товарищей по работе, задорную комсомолку Марусю, страстного музыканта Николенко, влюбленного в свое дело Селивановского, Кротович и Соломину, каждый из которых в свое время дал мне частицу душевного тепла и чему-то научил в жизни.